

Всю дорогу Цзиньли без умолку уговаривал Лю Чжэньцина отказаться от затеи с игорным домом: Старый господин Лю терпеть не мог, когда его домочадцы пускали деньги на ветер за игорными столами.

— Те похитители упоминали это место, — прямо ответил Лю Чжэньцин. — Хочу разузнать, нет ли там каких-нибудь зацепок.

Цзиньли мгновенно занервничал:

— Ой, а людей-то с нами хватит? Может, лучше стражу кликнуть? Господин, и почему вы раньше Старому господину Лю ничего не сказали!

«Да потому что я сам только что это выдумал».

— Да ладно тебе, я только одним глазком взгляну, — отмахнулся тот. — А ну-ка, покрути меня хорошенько. Призови удачу.

Цзиньли, в очередной раз впад в полное недоумение, послушно завертелся волчком, ведомый своим господином.

Экипаж неспешно катил на восток города. Проезжая по главной улице, Лю Чжэньцин приподнял бамбуковую шторку — вдали, посреди просторной площади, высилась величественная Нефритовая колонна Свернувшегося Дракона. Много веков назад правители сопредельных государств преподнесли ее в дар великим императору и императрице тех лет, чьи свершения затмили деяния предшественников. Этот монумент по сей день оставался символом золотого века Великой Чжоу.

На самом верху колонны сусальным золотом сияли имена той легендарной четы. Средний ярус — так называемый лик праведников — предназначался для правителей империи. Изначально предполагалось запечатлеть здесь лишь тех владык, чьи деяния стяжали славу государству, но со временем обычай выродился: теперь на камень наносили имена всех монархов, не совершивших явных безумств. Так туда угодил и покойный дед нынешнего государя — вздорный и безвольный император Шуньди династии Чжоу.

Нижний же ярус делился на три грани: верные слуги и доблестные полководцы, великие таланты и признанные красавицы, и, наконец, презренные предатели и злодеи. Попасть на любую из этих граней было делом непростым — отбор велся со всей строгостью.

— Господин, не смотрите туда лучше, — с тревогой в голосе прошептал Цзиньли, заметив его взгляд. — Опять ведь расстроитесь.

Лю Чжэньцин тихонько усмехнулся:

— Снова забыл? Я ведь ничего не помню.

Разумеется, он прекрасно понял, к чему клонит слуга. Должно быть, прежний владелец тела, Лю Сяочжу, всякий раз при виде колонны сгорал от стыда: клеймо позора, оставленное его печально известным дальним родственником, казалось ему несмываемым грязным пятном на чести рода.

Да и сам Лю Чжэньцин невольно подивился иронии судьбы. А ведь когда-то маленький император клятвенно обещал, что, не дожидаясь его кончины, повелит высечь имя своего регента среди верных слуг и доблестных полководцев.

Для любого сановника подобная милость была пределом мечтаний, ведь имена на Нефритовую колонну Свернувшегося Дракона наносили лишь посмертно, когда история окончательно взвешивала все грехи и заслуги. Прижизненная же почесть оставалась редчайшим исключением.

Едва он предался воспоминаниям, как Цзиньли вдруг удивленно охнул:

— Глядите-ка! Выходит, слухи не враль!

Лю Чжэньцин вопросительно приподнял бровь. Юноша, восторженно блестя глазами, торопливо затараторил:

— Господин, я только что заметил там дворцовых мастеров! В народе поговаривали, будто Его Величество повелел высечь на колонне имя генерала Хо. Семья Хо из поколения в поколение проливала кровь за родину, их имен там не счесть, но чтобы удостоиться этого при жизни... Генерал Хо поистине велик!

Лю Чжэньцин опешил.

— Какими же подвигами нужно для этого обладать? — удивился он. Даже имя великого маршала Хо Фэйхэня высекли на камне лишь после его гибели, и руководил этим тогда он сам.

— Эх, вы и это позабыли! — вздохнул слуга. — Наш генерал совершил настоящее чудо! В восемнадцать лет он стяжал бессмертную славу. Когда на нас двинулись полчища Сихэн, генерал, ведомый жаждой отмщения за старшего брата, собственноручно уложил троих их лучших воевод. Вражеское войско вмиг осталось без предводителей и, растеряв весь пыл, позорно отступило, запросив пощады и мира.

«Восемнадцать лет? В ту пору моя душа уже всюду блуждала неприкаянной в небесах».

— Позже, воспользовавшись тем, что империя ослабла, на наши рубежи хлынули северные варвары, — продолжал Цзиньли, упиваясь собственным рассказом. — Генерал Хо повел войска

на север и гнал кочевников до самой границы Мобэй! В Монань не осталось ни единого вражеского стана, а северные границы Великой Чжоу вернулись к своим историческим пределам. Говорят, на берегу Небесного озера Тяньчи, где некогда поили коней его доблестные предки, генерал совершил обряд подношения Небу. Тогда его имя прогремело на всю Поднебесную!

Глаза Цзиньли сияли все ярче.

— Император пожелал даровать ему титул Князя-усмирителя Севера, однако генерал отказался, приняв лишь звание Великого генерала, защитника государства. Но в народе его все равно зовут не иначе как Князем-усмирителем Севера! Про него даже сложили знаменитую «Песню вступления в бой Князя-усмирителя Севера». Поговаривают, когда одна из крепостей оказалась в тисках осады, генерал всего с тысячей всадников прорвал кольцо десятитысячного вражеского войска. Этот безумный бросок так воодушевил защитников и простых горожан, что они плечом к плечу отбросили неприятеля. Один бродячий музыкант, наблюдавший за этим безумием со стены, загорелся таким восторгом, что прямо там сочинил эту песню. С тех пор она разнеслась по всем уголкам империи. Говорят, стоит на границе подняться песчаной буре, и если ветер донесет до врага мотивы этой мелодии, те в ужасе разбегаются. Одна песня стережет покой целых рубежей! Кстати, господин, вы ведь и сами когда-то учились играть ее на цине.

— А битва двухлетней давности и вовсе потрясла небеса и землю! Три юго-западных царства объединились против нас. Генерал Хо разнес их коалицию в пух и прах. Одно его предупреждение: «Убирайтесь за пограничную реку, и я позволю вам похоронить мертвецов на родине» — заставило этих трусливых крыс дрожать от страха. Теперь вдоль всей границы высятся исполинские изваяния полулюдей-полуволков. Любой неприятель первым же делом наткнется взором на эти грозные статуи. Пусть разуют свои собачьи глаза и помнят о священном трепете!

«Кто бы мог подумать, что после моей смерти этот сорванец Эрдгоу вырастет в такого грозного воина».

Лю Чжэньцин брезгливо утер щеку от брызг слюны, которыми его щедро осыпал увлекшийся слуга. Этому мальчишке только бы на рыночной площади истории сказывать — живописал так, словно сам с копьём наперевес шел в те атаки.

Сразу видно, Цзиньли боготворил молодого полководца. Лю Чжэньцин всерьез заподозрил, что робкий Лю Сяочжу отважился ухаживать за этим нелюдимым богом войны исключительно из-за того, что верный слуга ежедневно прожужжал ему все уши хвалебными одами, начисто лишив рассудка.

Впрочем, все эти разговоры Лю Чжэньцин слушал вполуха. Какое ему теперь дело до чужих триумфов? Прошлое осталось в прошлой жизни.

Вскоре повозка затормозила у входа в игорный дом Лунсин.

Цзиньли порывался зайти внутрь вместе с парой телохранителей, но Лю Чжэньцин пресек эту затею на корню. Стоило немалых трудов умаслить и заболтать слугу, заставив его остаться у экипажа. Все-таки дела, ради которых он сюда явился, не предназначались для посторонних ушей и глаз.

Игорный дом Лунсин, крупнейший в императорской столице, даже средь бела дня гудел как растревоженный улей. У входа толпился самый разный люд: кто-то уходил, заливаясь слезами горького проигрыша, кто-то безумно хохотал, прижимая к груди горсть монет — перед глазами разворачивался пестрый театр человеческих страстей и пороков.

Лю Чжэньцин шагнул под своды заведения. Скрыв лицо за расписным веером, он поднялся на второй этаж и направился напрямик в укромный угол, где устраивали петушиные бои. Медленно скользя взглядом по разгоряченной толпе, он высматривал нужного человека, пока наконец не приметил мужчину с приметной треугольной деревянной плашкой на поясе.

Тот яростно подначивал бойцовую птицу, но стоило его фавориту бесславно пасть под ударами шпор соперника, как мужчина разразился отборной бранью и досадно сплюнул в сторону:

— Твою ж делить! Опять мимо! Проклятый день, ноги моей здесь больше не будет.

Хоть он и зарекся испытывать судьбу, уходить восвояси не торопился, а лишь лениво оглядывался по сторонам — торчать в зале до сумерек было его прямой обязанностью.

Вдруг сквозь удушливую гарь и пот игорного зала до его ноздрей донесся едва уловимый, освежающий аромат благовоний. Не успел старик Чжао сообразить, откуда повеяло прохладой, как над самым ухом раздался вкрадчивый шепот:

— У неба милости не просят, когда справляют новый наряд?

Старик Чжао вздрогнул всем телом. Обернувшись, он наткнулся взглядом на изящного молодого господина, скрывающего лицо за веером. Люди его ремесла твердо знали законы приличия: пялиться на нанимателя — верный путь к беде. Скользнув по юноше быстрым взглядом, старик тут же опустил голову и тихо отозвался:

— Лишь у людей подмоги ищут, чтоб платье справить в аккурат.

— Шейте, — в голосе незнакомца прозвучала довольная улыбка.

— Каковы будут пожелания, молодой господин?

— Мужчина, чуть за двадцать. Без роду и племени. Из образованных, чтобы мог свободно путешествовать по стране и не вызывать лишних вопросов у стражи.

— Будет исполнено. Тысяча лянов серебра. Сотня — задатком вперед. Ждать придется месяц.

Лю Чжэньцин недовольно нахмурился:

— Я готов доплатить. Мне нужно как можно скорее.

— Побойтесь богов, сударь! Будь моя воля, разве я отказался бы от лишней звонкой монеты? — старик Чжао развел руками. — Но вы только посмотрите, что творится вокруг: на носу Торжественная церемония весенней пахоты, да еще и Весенние императорские экзамены перенесли на более ранний срок. В столице доглядывают за каждым шагом, проверки на дорогах суровые. Сделать чистые бумаги сейчас — задача почти невыполнимая. Мы ведь заботимся о вашей безопасности, чтобы комар носа не подточил, когда вы поедете через заставы. Раз уж вы вышли на меня через тайное слово, обманывать вас мне резона нет. Месяц — это самый край. Быстрее никак.

Лю Чжэньцину оставалось лишь обреченно вздохнуть и согласиться. Без надежного дорожного пропуска даже с горой золота далеко не уедешь. Кому охота вековать остаток дней в лесной глуши, питаясь кореньями? Сам себя он считал человеком сугубо мирским и к подобному аскетизму готов не был. В его планах по-прежнему значилось найти тихий, благодатный край на юге, обзавестись домом и наконец исполнить то, чего не удалось сделать за две жизни, — жениться и вырастить детей.

Забрав аванс и условившись о времени и месте встречи, старик Чжао торопливо растворился в толпе.

Сбросив с плеч эту заботу, Лю Чжэньцин почувствовал приятное облегчение. Глядя на азартно кричащих игроков у столов, он на мгновение задумался: а не попытать ли счастья самому? Удача благоволила ему всегда — за какую бы игру он ни брался, победа сама шла в руки.

«Да ну, глупости. Легкие деньги впрок не идут. Лучше отыщу приличную чайную и расспрошу тамошних постояльцев, в каких южных землях нынче живется спокойнее всего».

Он уже развернулся к выходу, как вдруг в самом центре второго этажа раздался оглушительный шум и крики.

— Да ты же жульничаешь!

Звонкий, еще совсем детский голосок заставил Лю Чжэньцина удивленно обернуться. К своему изумлению, он увидел девчущку лет десяти, которая лихо взлетела прямо на сукно игорного стола, мертвой хваткой вцепилась в воротник сидевшего напротив мужчины и принялась бесцеремонно рвать на нем одежду.

— Ты припрятал кости в рукаве! Я все видела! — не унималась она.

Лю Чжэньцин так и застыл на месте с открытым ртом. За обе свои жизни он видывал всякое, но столь яростных девиц не встречал со времен ранней юности Ли Синжо.

Тем временем снизу к столу подскочил мальчуган примерно тех же лет. Густо краснея от неловкости, он дергал сестру за край юбки:

— Сестрица, ну негоже благовоспитанной деве так себя вести!

Однако тут же развернулся к притихшим игрокам и с самым серьезным видом отчеканил:

— Но мы действительно видели! Этот человек утаил кость. Это чистой воды обман, мы не проиграли ни медяка! И все те, у кого он выиграл до нас, тоже пали жертвой его плутовства! Не верьте ему, люди добрые!

«И откуда на мою голову свалились эти недоросли? Судя по одежке этого проныры, он из местных заправил. Дело дрянь».

Мужчина побагровел от ярости. Грубо отпихнув от себя девчонку, он взревел на весь зал:

— Вы из каких щелей вылезли, щенки немытые?! Я — человек игорного дома Лунсин! Чтобы я — и опустился до жульничества?! Правил не знаете, сосунки?! Проиграли — платите! Либо гоните тысячу лянов прямо сейчас, либо я упрячу вас в подвал, пока ваши старшие не явятся с выкупом!

<http://bllate.org/book/20542/2108890>